

Из приведенных и аналогичных примеров может быть составлен целый словарь, который явился бы существенным дополнением к имеющимся сведениям об истории лексики русских говоров на Таймыре и в Восточной Сибири. Эти дополнения, быть может, не столь существенны для общерусской лексикологической и этимологической проблематики, но для регионального словаря сибирских говоров они, конечно, весьма значимы. В заключение можно указать на самоназвание затундренных крестьян *пааснай* (этим словом они противопоставляют себя долганам), которое можно расценить как деталь в сибирской истории устойчивого словосочетания *пашенный крестьянин*. Эта деталь интересна уже тем, что на Таймыре нет никакой пашни [ЭСЗ, 462].

Н. М. Ивашова
Уральский университет

Фонетико-морфологические особенности освоения прямых заимствований западноевропейского происхождения в говорах Русского Севера

Заимствованное слово в русской принимающей среде неизбежно претерпевает изменения как в отношении звукового состава слова, так и в отношении морфолого-словообразовательных показателей.

Все иноязычные лексемы, отнесенные к прямым заимствованиям, проникли в говоры через устную речь. Их закрепление в говорах и лексикографическая фиксация произошли позднее. Объектом восприятия иноязычия являлось звучащее слово, а не графическое. Как отмечено у Е.Э. Биржаковой и др., «характер воспроизведения услышанного по самой природе восприятия многообразно варьировался (особенно в том случае, если воспринимающий субъект – монолингв). Но дело осложнялось и тем, что звуковой состав иноязычного слова, попадавшего в русский язык устным путем, мог быть различно интерпретирован в пределах различных русских диалектных подсистем»¹. Мы же рассматриваем вхождение иноязычий в рамках одной диалектной подсистемы – говоров РС, и, соответственно, наблюдаем не такое разнообразное варьирование формы заимствованных слов, как в случае проникновения иноязычий в разную в территориальном отношении принимающую среду.

Произносительные варианты прямых заимствований в говорах Русского Севера немногочисленны. Наблюдаются следующие фонетические изменения в иноязычной основе.

---

¹ Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Л., 1972. С. 182.

В области гласных – редукция *o* в предударной позиции: *рати́ак* ‘детеныш нерпы или тюленя’ [Даль 4, 59, 104; Подвысоцкий, 146–149] < возм., производное от голл. *rob* ‘тюлень’ [Фасмер 3, 503], в этих же диалектных словарях фиксируются варианты *ропи́ак* (Даль) и *ро́пишак* (Подвысоцкий); *рашкёрка* ‘сушеная треска’ [Арский, 453] < норв. *rot-skaer* [Фасмер 3, 509 со ссылкой на Подвысоцкого], зафиксировано и *рошкёрка* [Шульц, 101; Подвысоцкий, 149].

В области согласных – появление эпентетического *j*: *шко́йда* < вероятно, через норв. диал. **skod'd'a*, обычно *skodda*, шв. *skadda*, *skad* ‘туман, густой пар, заволакивающий даль’ [Фасмер 4, 449].

В слове *кухман* ‘купец, скупщик’ [МорСб., 47; Морозов, 303–305; Гемп, 43] и *куфман* [Максимов 1, 299], вероятно, < нем. *Kaufmann* ‘торговец, купец’ [НемРС, 484], ср. норв. *koffardimann* устар. ‘купец (торговец), занимающийся морской торговлей’ [НорвРС, 465].

Произошли фонетические изменения при освоении слова *ланфут* «сосновое полено без сердцевины от 4 до 8 фут, вывозится за границу» [Рейнеке, LI; Опыт, 101; Даль 2, 236; Подвысоцкий, 81; Арский, 447] < англ. *lathwood* [Подвысоцкий, 81]. Ср. англ. *lath* ‘планка, рейка, дранка’, *wood* ‘древесина’ [АРС, 423]. Русское [ф] – не просто субститут [w]: на появление этого звука могло повлиять слово *фут* (также английского происхождения); таким образом, вторая иноязычная основа по народной этимологии превратилась в *-фут*, а звук [θ] заменен [н]. Преобразование [θ] > [н] недостаточно ясно. Возможно, усвоение происходило так: [θ] > [m] > [н] *латфут* > *ланфут* (в результате регрессивной диссимилиации). Поскольку слово усвоено, скорее всего, через устную речь, не исключено, что на слух русского человека этот звук воспринимался как [н].

При рассмотрении морфологических особенностей прямых заимствованных лексем в процессе их проникновения в говоры обнаруживается разная степень их адаптации. Показательны в этом отношении лексемы *клипфиск*, *рошкёрка* / *рашкёрка*, *рунтова́ка*. Все эти слова относятся к наименованиям продуктов рыбного промысла и являются заимствованиями из норвежского языка. Время фиксации этих заимствований примерно одинаково, они отмечены в одних и тех же диалектных словарях. При этом лексема *клипфиск* ‘треска просоленная и потом сушеная’ < норв. *klippfisk* ‘солено-сушеная рыба, клипфиск’, шв. *klippfisk* [НорвРСПИ, 87; ШвРС, 492] в русском языке претерпела незначительные изменения. В наименовании *рошкёрка* / *рашкёрка* ‘сушеная треска, разрезанная во всю длину до самого хвоста’ < норв. *rot-skaer* ‘то же’ происходит суффиксация (суф. *-к-*) и оформление слова по модели существительных женского рода с финалью *-а*, вероятно, по

аналогии с *треска*. В процессе адаптации слова *рунто́вка* ‘сушеная треска, не разрезанная вдоль’ [Шульц, 101; Арский, 453] < норв. *rundfisk* ‘неразделанная рыба, кругляк’ [НорвРСПИ, 127; Шульц, 90] в принимающем русском языке произошла замена одной из производящих основ *-fisk* на формант *-овк-*. Так же, как и *рошкёрка*, лексема включена в грамматический разряд существительных женского рода на *-а* под влиянием *треска* (или в результате контаминации с этим словом). При освоении норв. *rundfisk* произошла замена иноязычной двухосновной словообразовательной модели русской суффиксальной моделью по типу образования существительных, мотивированных прилагательными, ср. *кругляк*: возможная калька от норв. *rundfisk*, букв. ‘круглая рыба’. Таким образом, адаптация иноязычий в процессе проникновения их в говоры обнаруживает разные типы освоения: усвоение слова практически без изменений, суффиксация и оформление по русскому грамматическому разряду, замена иноязычной модели русской. Семантика этих лексем изменений не претерпела, вероятно, в силу специальности значений.

Морфологическое освоение других лексем имеет следующие особенности.

Слово *брё́га* ‘морская пристань’ [Дуров, 18; Меркурьев, 24; АОС 2, 144] и *брё́га* [СРГК 1, 123] < шв. *brygga*, дат. *brygge* ‘набережная, причал’; норв. *brygge* ‘пристань, причал, мостки; мол, пристань’ [ШвРС, 136; ДатРС, 106; НорвРС, 133]. Слово оформлено как существительное женского рода с финалью *-а*.

Следующие лексемы получили в говорах оформление по типу существительных мужского рода второго склонения с нулевой флексией: *ланфу́т* < англ. *lathwood* ‘дранка’ (см. выше); *куфман/кухман* (см. выше); *ро́кан* ‘непромокаемое пальто или рубаха’ [Куликовский, 101; Арский, 453; Дуров, 142; Меркурьев, 135; АОС 2, 171; СРГК 1, 135–136], *ро́кон, ро́кен* [ЛК ТЭ] < сканд., ср. шв. *rocken* ‘сюртук’ [Фасмер 3, 497]; *но́т* < шв., норв. *not* ‘кошельковая сеть для ловли сайды’ [Арский, 450] < шв. *not* ‘кошельковый невод’, норв. *not* ‘то же’ [ШвРС, 669; НорвРСПИ, 110]; *фо́ршень* ‘одна из бечевек перемета, яруса, к которым привязываются крючки’ [Меркурьев, 171], возможно, < норв. *forsyn* ‘поводок’ [НорвРСПИ, 56]; *шмерц* [Куликовский, 138] < нем. *Schmerz* ‘скорбь, боль’, возможно, по созвучию нем. слова с рус. *смерд* [Фасмер 4, 459].

Включены в грамматический разряд существительных множественного числа (*pluralia tantum*) слова *ба́рды* [Подвысоцкий, 4] < скорее всего, норв. *barder*, ср. дат., шв., *barder*, голл. *baarden* [Фасмер 1, 126]; *бу́ксы* ‘непромокаемые брюки’ [Арский, 440; Дуров, 19; Меркурьев, 24; СРГК 1, 135 – 136; АОС, 2, 171; ЛК ТЭ] и *бу́кса* (ЛК ТЭ) < норв. *bukse*

‘брюки, штаны’ (НорвРС, 146); *вóтты* «привозные из Норвегии шерстяные вязаные рукавицы» [Шульц, 86; Даль 1, 253; СРНГ 5, 161; Подвысоцкий, 22; АОС 5, 133] < норв. *vottar* ‘варежки, рукавицы’ [Фасмер 1, 358], *му́шели* ‘род устриц’ [Подвысоцкий, 94, см. также СРНГ 19, 43] < из дат., норв. *mussel* ‘раковина’ [Фасмер 3, 20]. Такое грамматическое оформление обусловлено влиянием русских синонимов этих заимствований: *ба́рды* ‘китовый ус’, *му́шели* ‘устрицы’ – слова с собирательным значением, обозначающие группу однородных предметов, *бу́ксы* ‘брюки’ и *вóтты* ‘рукавицы’ обозначают парные понятия (форма ед. числа *вотта* не зафиксирована).

Лексема *ро́тиа́к/ра́пиа́к* (см. выше) образована предположительно от голл. *rob* ‘тюлень’. В говорах морфолого-словообразовательная адаптация происходит путем суффиксации. Дialeктизм *ло́ниа́к*, ср. *ло́ниа́к* ‘олень второгоднего возраста (говорится также о домашних животных и о морских зверях)’ < *ло́ни́*, *ло́ни́сь* ‘в прошедшем году, в прошлый год’ [Подвысоцкий, 83], мог повлиять на образование слова от иноязычной основы *rob-*.

Отмечено своеобразие освоения на всех уровнях слов *грумала́н*, *грумала́нд*, *грумани́н* ‘промышленник, зимовавший на о. Шпицберген’ [СРНГ 7, 169; Подвысоцкий, 35; Дуров, 40] < шв. *Grönland* [Фасмер 1, 464]. Существительные с суф. *-ан(-анин)* обозначают названия лиц по принадлежности территории, стране, государству. Дериваты с суф. *-ан-* широко распространены в русском языке, и в севернорусских диалектах в частности. Образования с этим суффиксом являются плюративами с множественно-собирательным значением. Словоформами единственного числа к ним выступают производные с суф. *-ин* со значением ‘территориальной или социальной принадлежности’¹. Может показаться вероятным выделение этого форманта в слове *грумала́н* < *груманти́н* < *Груманти́н* (*Шпицберген*), т. е. слово *грумала́н* можно отнести к той же словообразовательной модели. Но *-л-* не относится ни к иноязычной производящей основе (*Груманти́н*), ни к исконному словообразовательному форманту: *-ан-* чередуется с *-(j)ан-*, но не с *-(л)ан-*, появление этого звука может объясняться позиционным изменением, основанном на наличии вариантов *грумала́н/грумани́н/грумала́нд*. Другая возможная интерпретация: *Груманти́н* > *груманти́н* > *грумалан* (*-л-* появилось в результате диссимиляции сонорных или под влиянием *-land*). Последнее наиболее близко к источнику заимствования: ср. шв. *Grönland*. Возможно, на русской почве осуществился перенос нерусского по происхождению топонима на название лица, деятельность которого была связана с

¹ См. об этом: Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984. С. 95.

территорией, обозначаемой этим топонимом. Обращает на себя внимание, что топоним *Грумант* утратил формант *-ланд*, а дериваты от него, обозначающие лиц, этот формант сохранили. Появление форм *грумалán*, *грумаллán*, вероятно, обусловлено влиянием продуктивной словообразовательной модели названий лиц по территориальному признаку, от которой образовано существительное женского рода *грумалánка* 'судно, на котором плавали на о. Шпицберген' по модели *пинежанин* – *пинежанка* (название судна может быть переносом с названия лица женского пола). Наличие нескольких фонетических вариантов говорит о сложности вхождения иноязычного слова в говоры: *грумалán*, *грумаллán*, *грумалáнд* < шв. *Grönland*. Имеет место замена лабиализованных гласных, диссимиляция сонорных согласных по месту и способу образования. *Grönland* > *Грумант* (поморское название Шпицбергена) > *грумалáнд*, *грумаллán*; упрощение групп согласных в конце слова > *грумалán*. Ср. *грумантик* [СРНГ 7, 169] – модель, более прозрачная по своей морфемной структуре: иноязычная основа в полном, неусеченном виде *груманти-* + суф. *-тик*, участвующий в образовании производных наименований лиц по профессии, роду деятельности.

Наречие *по-норски* 'по-норвежски' [Гемп, 42], вероятно, появилось в результате сближения норвежского сочетания *på norsk* 'по-норвежски, на норвежском языке' [НорвРС, 574] со сходной русской префиксально-суффиксальной моделью образования наречий, мотивированных прилагательными со значением свойственности тому, что названо мотивирующей основой прилагательного: *по-нóрски* < [*норский*] < норв. *norsk* 'норвежский язык; норвежский'.

Слово *асей* 'иностранец, особенно англичанин' [Даль 1, 26; Подвысоцкий, 5; СРНГ 1, 283] интересно тем, что оно является субстантивацией иноязычного предложения: < англ. *I say* 'я говорю' [Фасмер 1, 93]. Любопытно аналогичное новообразование *слишты* в речи англичан. Говорят: «*найми мне два слишты* (т.е. двух работников); «*приведи десять слишты*». «*Кто подбил глаз?*» – «*Асеи*». – «*С кем напился?*» – «*С асеями*» и проч. [Максимов 2, 144].

Любое заимствование, осваиваемое в течение довольно длительного процесса, предполагает адаптацию на всех языковых уровнях. Рассмотрение адаптации прямых заимствований показало, что процесс освоения разных лексем неодинаков. Чаще всего адаптация происходила одновременно на нескольких уровнях – фонетическом, морфологическом, словообразовательном: *грумалán*, *ланфут*, *асей*, *рошкёрка*, *рунтовка*, в других случаях – только на фонетическом уровне (*кухман*), в ряде случаев иноязычная основа в фонетическом отношении не претерпела значительных изменений, но слово адаптировано к морфолого-

грамматической системе русского языка (*брю́га, ро́кан, бую́сы, вóтты* и др.), некоторые лексемы получили оформление по русским словообразовательным моделям (*ропи́ак, рунтóвка, рошкёрка, по-но́рски*).

О.В. Мищенко
Уральский университет

Из этимологий дендрологических терминов Русского Севера

Толша, товша

Зафиксированная на Русском Севере лексема *толша (товша)* представлена следующей парадигмой значений: 'твердое, сухое место, сухой, возможно, заросший, остров на болоте', 'лесной массив, прилегающий к болоту', 'прибрежный хороший лес, обычно на высоком берегу; покрытый лесом высокий берег реки', 'хороший строевой лес на сухом месте' [ЛК ТЭ].

Обращает на себя внимание значение 'покрытый лесом высокий берег реки'. Проведенный идеографический анализ лексики говоров Русского Севера, относящейся к лесной сфере, показал, что названное значение репрезентируется небольшим набором лексем, в отличие, например, от семантики 'лес на возвышенности', представленной целым рядом синонимов. Помимо анализируемой лексемы, значение 'лес на высоком берегу' зафиксировано из исконных лишь у лексемы *матера (материк)* и у нескольких заимствований: *едома, кенда, согра*.

Сама по себе семантика 'высокий берег' широко представлена в славянских языках и, как было показано Н.И.Толстым, часто реализуется через соотношение 'возвышенность' ↔ 'берег реки', являющее собой «сложную» семему с двумя релевантными компонентами¹.

Названное соотношение связано с регулярным в славянских языках соотношением 'лес' ↔ 'возвышенность' ↔ 'берег'². При этом первая корреляция образует «сложную» семему 'лес на возвышенности', вторая – 'возвышенность, высокий берег', поэтому представленное соотношение должно реализовываться либо как 'лес на возвышенности' – 'берег', либо как 'лес' – 'возвышенность, высокий берег реки'. Поскольку значения 'высокий берег' и 'лес на возвышенности' формируются путем сочетания семантики 'возвышенность' с одним из двух дополнительных компонентов, то развитие значений может пойти либо в сторону 'леса', либо в сторону 'берега', сочетание же компонентов в значение 'лес на высоком берегу' оказывается нетипичным.

¹ Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. М., 1969. С. 88–98, 100.

² Там же. С. 100.